

Три направления разрушения современной цивилизации и консерватизм

Хотел бы дать прагматичные определения того, что я понимаю под консерватизмом, через сопоставление с двумя другими идеологическими семействами – либеральным и левым. На мой взгляд, эти три семейства программируют разные типы политической связи, разные типы общественной связи.

Либерализм – это не свобода индивида как таковая, это свобода частного лица преследовать свои интересы по принятым в обществе правилам. И таким образом рождается общее благо. Радикальное выражение либеральной идеи состоит в том, что преследовать общее благо априори, ориентировать свои политические стратегии на общее благо является контрпродуктивным. Нужно преследовать свои частные интересы, соблюдать правила, которые существуют в обществе и которые позволяют игре этих частных интересов в итоге организовываться во что-то полезное и создавать этот самый эффект общего блага.

Как понимаются интересы, исходные мотивы формирования общества разными либеральными мыслителями, например, Гоббсом, Локком? (Хотя Гоббса спорно называть либералом, но по этому критерию – по типу социальной связи – он либерал, на мой взгляд.) Они отвечают на этот вопрос по-разному, но принципиальный тип общественных связей – именно такой, и в итоге мы получаем то, что принято именовать разумным эгоизмом. Государство же – не обязательно ночной сторож, либеральное государство может быть большим, но то, что Гегель назвал государством нужды и рассудка. Есть государства, которые, по мнению Гегеля, заслуживают этого имени субстанциально, а есть государства «нужды и рассудка», которые существуют только для того, чтобы регулировать реализацию частных интересов таким образом, чтобы они не аннигилировали друг друга и производили общее благо. По этому поводу Кант предлагает вообразить нацию дьяволов, то есть людей, в отношении намерений которых нельзя допустить ничего хорошего. Так вот правильное государство и правильный правовой порядок должны быть выстроены таким образом, чтобы «дьяволы» уравновешивали друг друга и на выходе получалось то же самое общее благо. Поэтому сила либеральных идей состоит в том, что она не содержит презумпции благонамеренности индивида в своей изначальной форме, хотя у некоторых либералов подобный тезис проскакивает.

Левые идеи – это другой тип социальной связи, который ассоциируется больше с Томасом Мором. Условно говоря, это реализация совместного проекта построения справедливого, лучшего общества. Критерием справедливости преимущественно является равенство. Людей, общество, государство в левой идее связывает реализация совместного проекта.

Сразу отмечу, что обе идеи, левая и либеральная, являются утопическими, в том смысле, в котором об этом говорил Карл Шмитт. Он называл утопией некую произвольную фантастику и не нечто невозможное, а любую модель

общественного порядка, которая оторвана от конкретного топоса и в которой ценности, нормы, ориентиры, максимы не привязаны к месту, к локации. И в этом смысле либерального типа модели социальных связей и левого типа модели социальных связей являются утопическими.

Что касается консервативного типа социальной связи, то, на мой взгляд, здесь в фокусе не общий проект, не индивидуальные свободы и интересы, которые выводят на форму совместности, а совместное наследие людей. Люди рассматриваются в обществе как взаимно сопричастные друг другу, так как людьми их делает совместное наследие. Совместное наследие – это нечто материальное: определенный объем накопленного богатства, который невозможно растащить по домам, это некое публичное пространство, публичное благо, откуда рождаются полисные республики. И, конечно же, нематериальное. Для того чтобы заключить общественный договор, говорят консерваторы, необходимо, чтобы люди относились друг к другу с достаточным уровнем доверия, говорили на одном языке и хотели заключить этот договор именно друг с другом. Необходимо культурное наследие, которое будет их связывать. И, по сути, предметом общественного договора в консервативной трактовке, если иметь в виду все эти предпосылки, является уже не только и даже не столько уравнивание частных интересов, потребность в безопасности, в охране собственности людей, сколько форма организации использования и мультипликации совместного наследия, которое изначально людей связывает, создает возможность формирования этого общественного договора.

Для консерватизма двумя основными словами являются «семья» и «история». Семья в смысле родство, род. То есть люди изначально рассматриваются сопричастными друг другу, относящимися изначально к одному семейству, связанными первичными узлами солидарности. В лозунге Французской революции «Свобода, равенство, братство» имеет место очень сильный перекокс в сторону свободы и равенства. Свобода – либерализм, равенство – социализм, консервативная же составляющая – братство. Но это не братство революционеров, а братство людей, которые принадлежат одному обществу, одной культуре.

Их этих трех диспозиций вытекает разная антропология, разная политическая повестка. Эти три идеологии являются законными соавторами современности, того, что мы называем цивилизацией «модерна», эпохой «модерна». Сейчас внутренний антагонизм внутри этой тройки становится не очень важным, потому что со второй половины XX века, с шестидесятых годов (хотя интеллектуальные основы были заложены гораздо раньше) возникает другая тройка идеологий, направленная против основ современной цивилизации в том виде, в котором она была заложена этой идеологической триадой.

Это – новые левые. Условно говоря, это разочарованные левые, которые видят, что на Западе построено общество благосостояния, возник широкий средний класс и пролетариат перестает быть субъектом революции. И они говорят, что отныне субъектом революции является не пролетариат – пролетариат обуржуазился, он подкуплен капиталом и не мыслит себя в марксистских категориях. Субъектом субверсивных действий является коалиция меньшинств, коалиция отбросов. Они даже пользуются словом «отбросы», это не мое слово. Субъектом революции является не один из элементов социальной структуры, пролетариат, – теперь уже неотъемлемый субъект социальной структуры, а некие элементы общества, которые оказываются «за бортом». Это десоциализованная молодежь, этнические меньшинства, богема, для которой десоциализация является частью образа жизни и самосознания. Новые левые вполне сознательно делают ставку именно на эту коалицию меньшинств как на свой основной референт. И проблема не в том, что меньшинства существуют. Существует оптика, в соответствии с которой практически любое притязание на

право, на значимость, связывается со статусом меньшинства. Это проблема оптики, а не проблема наличия реальных групп, которые реально нуждаются в защите.

Идеологической базой второй группы является фрейдомарксизм. Освобождение происходит не в экономической сфере, а в культурно-психологической или даже сексуальной. Это революция не против капитала, а против институтов цивилизации, закрепощающей человека. Идет подрыв среднего класса, который буржуазный и является квинтэссенцией всех пошлостей, – подрыв «одномерного человека» Маркузе. Его подрывают «снизу», через наступление этой самой коалиции меньшинств, которая не то чтобы откусывает у среднего класса куски благополучия, но лишает его культурной гегемонии. И средний класс вынужден плясать под их дудку, под дудку «шестидесятников».

Неолиберальная же идея обкусывает средний класс «сверху». Возникла простая идея, согласно которой уступки трудящемуся классу были вынужденными со стороны капитала, связанными с тем, что приходилось демпфировать противостояние Советскому Союзу, «компенсировать» недовольство собственного населения и расплачиваться моделью государственного благосостояния. В ситуации же, когда Рейган и Тэтчер решили вести войну до победного конца и это им удалось, необходимость расплачиваться с трудящимися классами такой дорогой ценой отпала.

Поэтому неолиберализм обкусывает средний класс уже как экономически, так и с другой стороны, со стороны элит, которые пытаются снизить издержки, перенести производство в страны третьего мира, изменяют систему налогообложения, заложенную еще в основу «нового курса» Рузвельта в США. Кругман и Стиглиц приводят примеры того, что если в 1960-х годах нормальная пропорция доходов между средним работником крупной корпорации и топом была в 10–15 раз, то в 1990-х – уже в 1000–1500 раз. Это – пороговый переход, который не предопределен никакими экономическими необходимостями. Законы рыночной экономики сами по себе не отвечают на вопрос, как должно происходить перераспределение стимулов в доходе корпорации. Это – инверсия классического либерализма, которая тоже разрушает современную цивилизацию, потому что ведет к фрагментации общества. И здесь левая риторика о том, что нужно благоприятствовать притоку иммигрантов в развитые страны, и риторика неолибералов очень органично дополняют друг друга. Для левых приток иммигрантов – это ценностная позиция, это защита меньшинств, это размывание гегемонизма культуры среднего класса, это самодовольные рожи буржуа, которых они ненавидят, или бюргеров, связанных с определенной национальной идентичностью. Для неолибералов – это просто сокращение издержек и сброс обязательств перед собственным обществом, поскольку эти обязательства со времен Лассаля и Бисмарка были основаны на национальной солидарности.

Третий элемент наименее идеологически оформлен и является инверсией консерватизма, темной его стороной. (У Аристотеля есть три формы правления, которые имеют хорошую и плохую стороны.) Вместе с приставками *new* возникает феномен нового варварства. Это “New Age” – активное открытие на Западе архаичных культур, эзотерических культов, еретических религий. Этот тренд является следствием коалиции против современной цивилизации новых левых и неолибералов, которая приводит к новому варварству.

Повестка раннего консерватизма была связана с противостоянием Просвещению, с противостоянием революционной мысли, через которое современность и родилась. Цивилизация «модерна» родилась как синтез. Сначала приходит враг – Просвещение, революция, Реформация, – потом наступает ответ: контрреформация, реставрация, консервативный ренессанс, открытие

национальных историй, национальной идеи. Возникает синтез. Этот синтез и является современной цивилизацией.

Сейчас повестка дня консерватизма связана с защитой и отстаиванием основ цивилизации «модерна» как солидарного, культурно-однородного, целостного, нефрагментированного общества, общества двух третей, где две трети составляет средний класс, а треть составляет бедность. А коалицией, которая подрывает эту современную цивилизацию «модерна», являются новые левые, неолибералы и неоварвары. Возникают три направления подрыва современной цивилизации. Первое направление – дегуманизация. Это гендерная трансформация, вмешательство в геном человека, перспектива кастовости, биотехнологическое неравенство, которое становится возможным. Это и эксперименты по снятию психофизического барьера в ходе культурной революции 1960-х.

Второе направление – десуверенизация. Что такое суверенитет? Это концентрация разных типов власти – символического капитала, силового капитала, финансового капитала и так далее – на уровне государства. Десуверенизация же – это когда разные типы власти снова расходятся по разным уровням. Суверенная власть, даже авторитарическая, является публичной. Эта публичность является узами, которые накладывают ответственность на власть. Подчеркиваю, даже если власть авторитарна. В десуверенизированном состоянии власть является скрытой. А скрытой власти уже ничего нельзя предъявить. Скрытая власть – это абсолютная безответственность.

И третье – десоциализация. Это далеко идущая фрагментация общества. Если потеряны национальные основания солидарности, если общество перестает быть культурно однородным, оно превращается в мозаику, совокупность гетто, то есть общество как конгломерат меньшинств. Это имеет не только национальное измерение.

Вот три направления разрушения современности. И я предлагаю говорить сегодня о консерватизме второй волны, о консерватизме, по версии которого суть уже не в противостоянии революции, Просвещению, Реформации, а отстаивание основ современной цивилизации как они сложились в синтезе с либерализмом и социализмом, в который консерватизм органически вошел. Многое осталось за скобками, но я повинуюсь регламенту и завершаю.

